

Юрий
БОРОДКИН
г. Ярославль

А на том берегу было то,
что забыть никогда не смогу.
Юрий Рыбчинский

1

НА ТОМ БЕРЕГУ

Неспешно течёт речка Ухтома по средней России, то раздвигая лесистые берега, то обретая луговую свободу. Как-то покойно ей в лопушках, которыми покрыты тихие заводи, лишь кой-где обозначатся переливчатые быстринки, выдавая движение воды. И куда ей торопиться: спешить, не спешить, если движение это непрерывно. Вот, кажется, совсем остановилась в омуте за мостом и, отдохнув, тронулась дальше двумя протоками, где раньше стояла мельница, и вскоре опять успокоилась на широком плёсе, притаилась в лопушках и тростничках, где рыбакам мнится уйма рыбы. Похоже, и самой Ухтоме нравится этот луговой простор, где можно избавиться от ольховой тесноты, поиграть солнцем, показать свою красоту людям.

В этом укромном месте, означенном только на областной карте, живут герои наши: на левом высоком берегу — село Никольское, на правом — деревня Ивняки, до которой не более двух километров. В любых деревнях и весях жизнь непростая, свои события, не без них и здесь.

Павел Васильевич Доронин родился и вырос в Ивняках, но давно уже обосновался в селе, вот в этом зелёном финском домике: бывший директор совхоза поставил несколько таких вдоль высокого берега Ухтомы. Посмотреть со стороны — красиво, хотя домики не бревенчатые, сборные, да что зря сетовать, жить можно: много ли им вдвоём-то с Валентиной надо? В доме — две комнаты, кухня, небольшая верандочка; приезжают Валентинина дочка с мужем, и им хватает места.

Пообустроился Павел Васильевич в Никольском: рядом с гаражом — большая кладница дров, под окнами — па-

лисадник с цветами, огороженный добротным штакетником, есть банька. А на задах, за огородом, соорудил крепкую лавочку на столбиках, врытых в землю, на которой он любит посидеть в час отдыха. Смотрит и смотрит с неутолимой тоской на родные Ивняки на том невысоком берегу, на покинутый родительский дом, который угадывается по высокой липе. Там, под её приветливой сенью, осталось всё солнечное и тёплое, что связано с детством, с молодостью, там осталась семья.

С этим чувством раздвоенности проходит его с виду спокойная жизнь. Много воды утекло в Ухтоме с тех пор, как он перебрался в село. Привыкли они друг к другу с Валею, ей не за что упрекнуть его, да так и будут жить, особенно теперь, когда приблизилась старость. А всё же манит к себе тот берег. И как не манить, если напоминает он о себе каждый день?.. Об этом никому не скажешь, и нет нужды, чтобы кто-то заглядывал в душу Павлу Васильевичу, но никто не отнимет у него лавочку, откуда так трогательно смотреть на поблескивающую в излуках речку, на луговину за ней, на разделённое просёлком поле, за которым видны Ивняки: близок локоток, да не укусишь.

Стоит ли говорить о том, что лучше Ивняков для Павла Васильевича нет на белом свете другой деревни? Помнит он её ещё многолюдной, с весёлыми колхозными и престольными праздниками: дружный был тогда народ. Два гармониста соревновались друг с другом: в одном конце деревни, пристроившись у себя под окнами, развернёт мехи хромки Толя Кудрявый, в другом — отзовётся звонкая гармошечка Лёши Крохичева, и тотчас подхватят песню высокие женские голоса — то задорные, то исполненные трогательного чувства, так что на сердце становится тесно и тепло.

Лёша Крохичев был таким же подростком, как он, Пашка Доронин, постарше на год-два, а вот — поди ж ты! — овладел гармонью. Все парни завидовали ему, потому что гармонисту в деревне всегда почёт. И правда, чью душу не тронет гармонь, если она находится в умелых руках? Особенно в праздничный день, особенно на вечерней заре, когда далеко слышится и всё окрест проникнуто этой музыкой.

А надо сказать, что престольный праздник в Ивняках — Троица, самое светлое, самое зелёное и оживлённое время, названное пролетьем. Весь день в чистом небе сияет солнце, освободившееся от долгого плена облаков, всюду гомонят птицы, и, кажется, на глазах вырастает травка-муравка на деревенской улице. До здешних мест не достают белые ночи, однако от зари до зари — только сумерки, так что и сон отшибёт, да и до сна ли молодым: разбредутся кто куда, и уже слышатся девичьи голоса и хохот за околицей, по-над речкой. Гуляют до утра, потому что все знают, что завтра — Духов день, земля отдыхает, значит, работать на ней нельзя.

Есть что вспомнить. Памятны Павлу Васильевичу ивняковские покосы в пойме Ухтомы. На миру всякая работа спорится, бабы не унывают, перекликаются, подшучивают друг над другом, а сойдутся на перекур в тенёк — и вовсе гомонят как галки. Самая любимая страда, хотя с утра намашешься косою, после полудня кидаешь вилами сено в тракторный прицеп — семь потов сойдёт. Подумаешь, какое дело! Рядом — спасительная речка. Те, кто помоложе, бегут к ней, стаскивая на ходу одёжку, и вот оно, блаженство, — окунуться в прохладный ухтомский омуток!

Потом пойдут ягоды, грибы: и в лес надо поспеть. Уж чем другим, а дарами природы ивняковцы не обижены. В бору за рекой всё растёт. Где нынче увидишь белый груздь? А здешние жители носили его корзинами: есть такое место на горках, где по редкому сосняку и березняку прижился лышнячок, как называют карликовую липу. Павел Васильевич и теперь в конце лета навевывается в груздовик, хотя и не столь успешно, потому что приезжие грибки одолели.

Всё было: и шумные свадьбы, и рождение детей, и проводы в армию, и всё было лучше, чем нынче, потому что деревня жила как бы одной общей семьей. Стали Ивняки постепенно угасать: один уехал, другой — на него глядя, третий подался в иную сторону. Но обзавелись нынешние горожане машинами и потянулись обратно к родным местам, хотя и не насовсем, а только на летнее дачное время.

Некоторые дома успели купить посторонние люди, так что летом деревня оживает: приди в Ивняки в выходные дни — возле каждой избы стоит машина, и не одна.

Про село и говорить нечего, оно никогда не убывало. В Никольское в субботний день понаедет столько народу — будто ярмарка. Взяли моду жарить едва ли не в каждом дворе шашлыки, конечно, тут и водка, и музыка. Выручка в сельмаге — на неделю вперёд.

Странно это Павлу Васильевичу, потому что бывший совхоз «Никольский», а нынешнее сельхозпредприятие дышит на ладан. Нет здесь работы молодым, утром набьются в автобус и отправятся в райцентр, где удалось пристроиться: не позавидуешь, перебиваются кой-как, без всякой перспективы.

Павлу Васильевичу с Валентиной Ивановной проще, они в прежнее время заработали пенсию, им теперь не надо ни шашлыков, ни музыки, добирают свой век в скромном совхозном домике на берегу Ухтомы, копошатся по дому и в огороде. И чем дольше живёт Павел Васильевич, тем чаще оглядывается назад, тревожит себя воспоминаниями, тоскует по утраченному, невозвратному.

Сидит он вечерами на заветной лавочке, неутолимо смотрит окрест на широкую речную пойму и дальше, где за перелесочком — родные Ивняки, а мысли вяжутся одна за другой и текут, текут, как неустанная вода в Ухтоме: то согреют незабытой отрадой, то взволнуют чем-то желанным, то опечалят сердце, и повторяются по многу раз, как бы требуя его нынешней оценки прежним поступкам. Но прошлое не поправишь, остаётся только вспоминать, вспоминать, листая прочитанную книгу жизни.

2

В той книге были начальные страницы о том, что предвляло жизнь Павла Васильевича, когда самого его ещё не было в помине: непростая семейная история, касающаяся родителей, которая не даёт ему покоя до сих пор.

Отца он не мог знать, представлял его только по воспоминаниям матери. Любили они друг друга самозабвенно, но счастье обошло их сто-

роной. Всё, что могла рассказать мать сыну в минуты откровения, он с вниманием слушал не один раз, живо представлял себе семейную драму, в которой не было виноватых...

Отец с матерью поженились зимой сорокового года. Не искал Василий невесту дальнюю: приглянулась Надя Кострова из ближнего починка Сафонова, куда он торил дорожку почти ежедень с весны до самой свадьбы. Не богатой она была, но весёлой. Собрали свадебный поезд, съездили за невестой, потом расписались в Никольском сельсовете, а уж у себя в Ивнях пошло веселье под гармонь. Последняя предвоенная свадьба в деревне...

В Ивнях были избы, оставленные хозяевами, уехавшими на городские стройки. Оторвали доски с окон дяди Митиной избы, начали обживаться. Радовались рождению Настеньки, души в ней не чаяли. И тут — война. Запричитали бабы, прощально выиграли гармони, и потянулись по всем российским просёлкам к райвоенкоматам призывники с тощими котомками за плечами. Ушёл и Василий Доронин, оставив на росстани за деревней заплаканную Надю.

Прислал письмо, в котором сообщал о скором отправлении на фронт, а в ночь после праздника Преображения Надя вздрогнула от осторожного стука в окно. Шагнула на мост, неприветливо окликнула:

— Кого там принесло?

— Надя! — глухо отозвалось из-за двери.

Босиком сбежала по лесенке, дёрнула задвижку, прижалась к солдатской скатке, как ласточка к гнезду.

— Закрой дверь, — поторопил Василий.

В избе, когда он поставил в угол к печке винтовку и сбросил скатку, снова горячо обнялись, замерли, задохнувшись от счастья.

— Надя! Наденька! — шептал Василий, глядя её волосы.

— Какими ты судьбами? — спрашивала она, не веря нечаянной радости.

— Эшелон шёл через нашу станцию, ну я и решил повидаться с тобой... Надо занавесить окошки.

Вздули семилинейную лампу, при её слабом освещении Василий склонился над кровать-качалкой, в которой беззаботно посапы-

вала Настенька, не чуя близости отца в своих ангельских снах. Боясь разбудить её, только любовался на её пухленькое личико, обрамлённое светлыми, как ленок, волосами.

— Спи, моя красавица, спи... Ужо потютюшкаю я тебя, — тихо приговаривал Василий, чувствуя, как в груди тает нежность, копившаяся за время разлуки с родными. — Лопочет чего-нибудь?

— Больно рано захотел! Обожди-ка, проснётся, поспать тебе не даст.

Сели с Надей к столу. Не могли налюбоваться друг другом, нарадоваться нечаянной встрече: всё-таки привелось встретиться.

— Непривычно видеть тебя без волос, — с улыбкой молвила Надя.

— Ерунда! Новые отрастут. Как вы тут без меня?

— За нас не беспокойся, родители помогают.

В эту минуту Надя не думала ни о чём тревожном, как будто муж вернулся домой навсегда. Вот он, живой, здоровый, сидит рядышком, только тем и отличается, что в солдатской форме да стрижен наголо. И в счастливом сне такое не приснится. Отмахав двадцать километров, устало облокотившись на стол, он любовался женой.

— У мамы с папой всё ли добро-здорово? — спросил.

— Слава богу. Только была у них. Вот принесла вечерошное молоко — попей.

Он пил, с аппетитом прикусывая краюху хлеба, и ничего не было вкусней этой домашней еды. Не отрывая взгляда от согревавших его любимых глаз, думалось о том, что ради этой минуты, ради этой желанной встречи можно было понести любое наказание. И уж совсем забыли обо всём на свете, когда, казалось, укрылись от всяких бед на широкой деревянной кровати, крепко сколоченной когда-то дядей Митей.

Проснувшись, Василий снова заглянул в кроватку дочери, она испугалась его и закричала.

— Ну что ты, глупенькая? Папку не узнала? Привыкай, иди к папе на ручки.

Девочка прижалась к матери и отвернулась к ней за спину.

— Иди ко мне, моя хорошая! Неужели успела забыть папку? — приговаривал Василий.

Настенька постепенно перестала капризничать, может быть, вспомнив знакомое лицо.

Василий загадывал побывать дома дня два-три и догнать сослуживцев, но роковое свидание с женой затягивалось и что-то надо было предпринимать. Жаркие объятия, изнурительно счастливые ночи расслабляли его, а Надя, припав к плечу, шептала с отчаянной решимостью:

— Никуда я тебя не отпущу! Может быть, тебя и не спохватились?

— Ты плохо знаешь армейские порядки, там всё на учёте. Что, так и станем прятаться? — вяло противился Василий. — Не начальство, так свои ивняковские дознаются.

— Свои не арестуют.

— Слух дойдёт до военкомата, кто-нибудь донесёт.

В здешних деревнях было принято устраивать бани в дальнем углу двора, под одной крышей. В случае необходимости Василий скрывался там, томительно глядя в маленькое окошко на изгородь, отделявшую их от соседей. Здесь на сдвинутых скамейках у него был устроен топчан, лёжа на котором многое было передумано. Старался не загадывать, какой ответ будет нести, и понимал, что не сможет долго отсиживаться, тайно поглядывая из окон избы или хоронясь в углу двора, что нельзя вечно сидеть назаперти, прислушиваясь к голосам и шагам на улице, куда днём путь ему был заказан. Он видел ивняковцев, а они его — нет.

Прибегала к Наде незамужняя подружка Шурка Соболева — любительница поболтать, битый час треплет языком, слышно, как закатывается смехом. Ещё спрашивает Надю, чего, дескать, всё запираешься. А Василий мается в своём укрытии, не имея возможности поторопить Шурку.

— Выпроваживай её как-то поскорей, — советовал Василий.

— Ну, ты скажешь! Шурку не опасайся, она свой человек.

— Не шибко надейся: язычок у неё больно длинен.

— Может быть, скоро прогонят немцев и все мужики вернуться домой, — успокаивала его и себя Надя.

Между тем Василий как-то полез на полати и не обнаружил винтовку, спрятанную под одежками.

– Не ругай меня. Утречком рано я бросила её подальше в Круглый омут, чтобы никто не достал, – призналась жена.

– Ты с ума сошла! Зачем ты это сделала? Ведь за пропажу личного оружия по головке не погладят. Дёрнула тебя нелёгкая утопить винтовку! Не бабье это дело, и нечего было трогать её, – сетовал он и даже злился на Надю. – Ты бы хоть сказала мне.

– Разве согласился бы? Взяла грех на себя. Уж раз пришёл домой, так нечего возвращаться на свою погибель. Нет, теперь мы не расстанемся, – уговаривала и оплетала шею руками Надя, обжигая его жарким дыханием.

Эти как бы украденные минуты счастливой близости не могли заглушить тревожного беспокойства в душе Василия.

В тёмное время пробирался в избу к родителям, а там были неутешительные разговоры. Отец озадаченно хмурился и выговаривал:

– Глупость ты совершил, Вася: подсудное дело, да непростое – дезертирство.

– Ладно, попробую разыскать свою часть.

– Где ты её будешь разыскивать? Всё равно отвечать придётся.

– Понимаешь, пап, неподалёку проезжали, захотелось заглянуть домой...

– Понимаю, понимаю, Надёнка тебя притягивает. Служба не бабье дело, нечего их слушать. Пока хуже не стало, ступай обратно, никуда твоя Надя не денется: чай, не черёмуховый цвет, не опадёт, дождётся тебя, коли вернёшься.

– То-то и оно, тут бабка надвое сказала.

– Я не знаю, как быть, уж больно переживательно это, – вздыхала мать. – В деревне долго не утаишься, и на войну идти губительно: грешному вначале путь широк, а после – тесен. Я уж ночей не сплю.

Обсуждали и так и этак, мать даже раскидывала карты – выпадала Василию дальняя дорога...

После тягостных раздумий сказал:

– Слышь, Надь? Решил я идти обратно на станцию.

– А дальше что?

– Там – в военную комендатуру, так, мол, и так.

– Не выдумывай! Здесь я тебя оберегу, повыждем, может быть, само как-то уладится.

– Само не уладится.

– Как я расстанусь с тобой? – кусала губы Надя, готовая расплакаться.

– Что поделаешь? Не одних нас война разлучает... Насчёт винтовки скажу: оставил её в вагоне, когда сбежал. А там не вдруг разберутся... Эх, Наденька, родная ты моя! – Василий приглаживал ладонями её гладкие волосы и пристально разглядывал лицо, как будто хотел насмотреться впрок на свою любимую.

Настала последняя бессонная ночь. С комком в горле в последний раз разглядывал спящую дочурку. Рядом вздыхала и плакала Надя. Утомлённые бессонной страстью, вышли из дома рано утром, когда только начинало брезжить и не погасли частые звёзды. И было второе расставание на краю деревни, более горькое, нежели первое. Долго стояли, крепко обнявшись, не желая разлучаться.

– Зря ты это надумал, – выдохнула Надя. – Чует моё сердце, зря.

– Ну что ты? Лучше теперь повиниться, чем прятаться от людей.

Василий превозмог себя, освободился от Надиных пленящих рук и, услышав всхлипы за спиной, торопливо зашагал по просёлку, под уклон через поле, где настойчиво дёргал коростель, будто скрёб по живому.

Измаянная, опустошённая Надя провожала мужа взглядом сквозь слёзы: он скоро скрылся в тумане, словно растворился в нём. Ушёл и действительно как в воду канул. Прислал единственное короткое письмо, в котором сообщил, что направили его в другую часть. Тесть сказал: вероятно, в штрафную. Может быть, в первом бою и сгинул.

Павел Васильевич знал, что мать всю жизнь носила в себе вину за его гибель, дескать, зря не удержала его возле себя. Позднее присваивался к ней мужик из Никольского – отказала, чтобы не омрачать память о Василии. Рассказала эту семейную драму Павлу, когда он уже стал взрослым.

Так Павел Васильевич и живёт как будто с неразгаданной загадкой об отце, которого никогда не видел. Зачем-то хотелось ему достать ту злополучную винтовку из Круглого омута, снарядил из железного прутка «кошку», только позабрасывал её напрасно: ремень и приклад, конечно, сгнили, а ствол засосало в ил.

3

Если бы отец не побывал в начале войны дома, не было бы на свете Павла Васильевича Доронина, которому привелось родиться в разгар войны, в мае сорок второго года, когда по всем городам и весям в голос выли бабы, оплакивая погибших мужей и братьев. Ровесников ему в то время в Ивняхках не нашлось, и потому малыша любила вся овдовевшая деревня. Сидят бабы на лавочках возле бригадирского звонка, и Павлик с матерью тут: все норовят подержать его на коленях, поприговаривать что-нибудь ласковое.

Когда подрос, любил кататься на машине с тогдашним председателем Новожиловым. Колхоз приобрёл свой грузовик, шофёром был Николай Морозов – весёлый, неунывающий фронтовик. Да и стоило ли унывать, если ему завидовали другие? Завидовал и Павлик, для которого всегда находилось место в кабине, даже если создавал тесноту председатель, мужик грузный, краснолицый, пребывающий частенько под хмельком. Он тоже привык к Павлику как к своему постоянному сопровождающему.

– Ну что, Паша, как дела-то? – спрашивал он, добродушно встряхивая горячей ладонью светло-русые вихры мальчонки. – В какой класс нынче пойдёшь?

– Во второй, – печалился Павлик тому, что поскорей хотелось стать взрослым.

– Вот, брат, как время летит! И кем мечтаешь стать?

– Шофёром, как дядя Коля, – не задумываясь, отвечал он.

– Молодец, вполне одобряю.

Невысокая, но реальная мечта сбылась, только нескоро: Паша сел за руль машины. После армии, глядя на других сверстников,

тоже намеревался умотать в город, однако, поразмыслив трезво, решил, что с семьёй классами Никольской школы ему там делать нечего. Его путь оказался проще и короче: окончил школу механизации и сел на трактор.

Ивняковцы были довольны тем, что появился свой тракторист, которого всегда можно было попросить привезти сено или дрова. Ему и самому нравилось помогать однодеревенцам. Бывало, в семь утра – хоть часы проверь! – затарахтит его трактор. Все знали: Доронин поехал в поле. Не потому, что дисциплина была в колхозе, а просто работал по совести.

Пришло время подумать о женитьбе. Невелик был выбор невест, да он не очень и приглядывался. Как-то само собой, без особого ухаживания, получилось у них с Анькой Воробьёвой. Носила она в ту пору почту по деревням. Зимой-то на лыжах гоняла, ловко она этому наострилась, даже ездила на районные соревнования. Завидев издали её красную вязаную шапочку, старухи весело говорили друг другу:

– Вон наша Красная Шапочка поспешает!

– Прытко бегаёт.

– Работа у ней такая...

И верно, легка она была на ногу, по-спортивному стройная. Пожалуй, километров десять пробежит за день, бойко взмётывая палками снег.

Как-то принесла газету-районку, а мать Пашина позвала её в избу погреться чаем. Она сидела напротив Паши, с доверчивой простотой помаргивая будто оттаявшими с мороза ресницами, и ему было приятно смотреть в её большие голубые глаза, потому что только они и выделялись на покрасневшем лице.

Говорили о всяких пустяках вроде погоды, дескать, уж март начался, а метелит по-февральски. Лишь когда вышли на крыльцо, и Анька стала надевать лыжи, она поинтересовалась:

– Паш, ты чего на танцы не ходишь?

– Не умею и не хожу.

– Глупости! Больно просто научиться!

Хохотнула и резво побежала, наддаваясь палками и показывая Паше свою сноровку.

С того и началось. И танцевать она его научила, и в кино сидели рядышком, и гуляли целое лето, а осенью стали готовиться к свадьбе.

Мать хвалила Аньку:

– Нравится она мне: самостоятельная, небалованная. Только с родителями ей не повезло: пьют оба. Что проку, что батька есть, коли рыло мокрое? С другой стороны, из бедности-то люди бывают лучше.

Ещё в школе Паша замечал, что Анька Воробьёва одевалась скромней других. На перемене подружки жуют что-нибудь, а она делает вид, что нисколько не завидует. Молодец, конечно. Слава богу, нашла работёнку. Только много ли заработаешь, бегая с почтальонской сумкой?..

Пришла Аня в дом Дорониных, стали жить втроём, потом родился сын Витя, и всё шло своим чередом.

При Хрущёве ликвидировали колхоз «Новая заря», создали совхоз «Никольский». Директором назначили Егора Софронова, который, оценив Пашину исполнительность, пересадил его с трактора на свой уазик. Ездили по бригадам, в райцентр, иногда – и в областной.

Теперь под липой возле избы Дорониных частенько стоял не трактор, а легковушка. И опять Паша был необходим ивняковцам – приходили с просьбами: Паша, встречь со станции, отвези к автобусу, в район по какой-то надобности.

С Анной жили не хуже других. Бывало, посадит он жену и сынишку, и поедут к речке искупаться или в лес по ягоды, грибы.

Вот уж и Витя вырос, вытянулся выше батьки, светловолосый и глазастый – в мать. Засобирался из дому, но, поскольку тоже не имел прилежания к учёбе, уехал недалеко, в райгород, где имелся небольшой завод «Мотор-деталь», да там до сих пор и стоит у станка.

Настал момент, когда Софронова освободили от должности, а новым директором назначили приезжего, с которым у Паши не сложились отношения. Устроился он работать в сельскую больницу, которая тогда ещё существовала, и стал возить на таком же уазике чаще всего медичку Валентину Замятину.

Тут и началось главное событие в его жизни.

Валентина была привлекательна зрелой полной и статью, не мог Павел побороть влекущее тепло карих глаз, и с её стороны чувствовалась взаимность. Года полтора назад она осталась без мужа, утонувшего в Ухтоме. Тужи не тужи, а не век вековать одной. А Павел Доронин оказался рядом, мужик не очень видный, но здоровьем бог не обидел, да и были они уже в возрасте, чтобы гоняться за красотой.

Как-то он подвёз её к дому и, перед тем как расстаться, прижал ладонь к её круглой горячей коленке. Валентина отреагировала спокойно, лишь молча отвела его руку и, открывая дверцу машины, сказала всего два слова:

– Приходи вечером.

Никогда Павел не испытывал такого томления, как в тот день, показавшийся ему нескончаемым, когда он, дождавшись темноты, впервые задержался в квартирке Валентины, ещё без всяких серьёзных намерений, без обещаний.

Стал похаживать к ней, придумывая для жены разные причины своих задержек: то, дескать, послали куда-то в дальнюю поездку, то машина сломалась. Как было остановиться, если тянуло его к Валентине снова и снова? Как было устоять перед соблазном? Не зря говорят, в чужую жену чёрт ложку мёду кладёт.

От людей такой грех не утаишь: никольские делали вид, что Пашины похождения их не касаются, а за глаза шушукались, осуждали. Доносилось и до Анны. Валентинина соседка Катерина Бугрова, встретившись около совхозной конторы, отвела в сторонку и доложила открытым текстом:

– Послушай-ка, милая, ты, поди-ка, и сама догадываешься, что твой Павел навевается к медичке: могу подтвердить, потому как живу напротив неё. Эт-та вечером, уж темненько было, открыла она крыльцо, а оттуда лампочка светит. Смотрю: его впустила. А вчерась белым днём подъехали на машине и битый час не выходили из дому. Думаю, надо Анне сказать, а ты уж принимай меры, какие знаешь.

Увещевала, стыдила, дескать, не молоденький, чтобы на сторону глядеть, – не помогло. Лягут спать, Анна отвернётся к стенке, молча кусает губы, а в груди горячо, сердце сжимается

от обиды. Павел тоже только вздыхает, к ней не прикасается: что это за жизнь? Была бы жива свекровь, она бы поддержала сторону Анны, может быть, и сына как-то образумила бы.

И настал тоскливый осенний вечер. Анна сидела одна в тихой избе, тупо смотрела в глухую темень за окном, преодолевая сжигавшую изнутри ревность. «Всё кончено! До каких пор можно терпеть? Не пушу!» – твердила она про себя, набираясь решимости.

Уж в полночь качнулся свет фар в поле, потом повернул от дороги к деревне, на какое-то мгновение ударил в окна. Анна не сразу поднялась на стук в дверь, чего-то повыжидала, ещё мучаясь сомнениями. Спросила, как будто чужого:

– Кто там?

– Я. Не слышала, что ли, машину?

– Не открою.

– С ума сошла! Я, что, в свой дом не имею права войти? – снова требовательно постучал. – Открывай, тебе говорят! Не позорь меня перед людьми.

– А обо мне ты подумал? Видишь ли, стыд его пробрал! Сказала: не отопру. Иди откуда пришёл.

– Ну, ладно.

Павел в досаде выругался, пнул дверь и удалился. И, вспоминая тысячу раз этот эпизод, он старался оправдать себя тем, что и жена виновата в разрыве между ними.

Осталась Анна одна в доме. Никто не знал, сколько горечи перекипело в её раненом сердце, никто не видел её слёз. Жила теперь ради сына Вити: каждый его приезд был для неё праздником. Любому делу по хозяйству он был научен с детства: поможет и грядки копать, и косить, и дрова заготовить. Хорошо им было хоть коротко побыть вместе. Понимая чувства матери, Витя редко заводил разговор об отце.

Потом он привёз жену Свету: ладненькая такая, росточком небольшая, улыбчивая, никогда ни в чём не перечила Анне – напротив, прислушивалась к её советам. Вскоре у них родился сын Серёжа, стали навещаться втроём, и дом Дорониных снова наполнился голосами.

Говорят, от больших переживаний остаются рубцы на сердце. Анна о них не ведала, а знала другое: любое горе лечится временем, и её душевная рана постепенно затянулась, и, хоть жизнь пошла по другому сценарию, с ней оставались сын, сноха, внук, о которых она могла позаботиться и от которых могла услышать приветливое родное слово. Им тоже повядно: есть где отдохнуть в отпуске, на речку, в лес ходят, наберут ягод, грибов да своих овощей увезут в город.

Много было кручины. Добро бы – муж уехал куда-нибудь с глаз долой. Так нет же, он со своей подругой рядом, на том берегу Ухтомы. Придёшь в село – поневоле встретишься. Поначалу Анна даже старалась обходить Павла стороной, но теперь, когда подошла старость, все обиды, все досужие разговоры односельчан остались далеко позади. Бывает, и поздравляются, и обмениваются парой слов. Прошлым и позапрошлым летом, в Троицу, Павел даже в дом навещался, дескать, повидаться с Витей. Не запретишь. И то сказать, наверное, тянет его в Ивняки, в родительский дом, где прожил полжизни. Разойтись-то разошлись навсегда, а ниточка осталась – сын Витя.

4

Справа от въездных ворот у Павла Васильевича деревянный гараж под двускатной крышей, похожий на маленький домик; в гараже – видавший виды уазик, который достался ему как списанный, когда закрывали сельскую больницу. Был он в ту пору не совсем на ходу. Мужики помогли затолкать его во двор. И принялся Павел Васильевич оживлять хорошо знакомую машину: кое-что подновил, заменил, покрасил. Только куда теперь ездить-то? Разве что по ягоды и грибы. Дальше райцентра на таком драндулете не сунешься, но с этим простеньким гаражом, с постаревшим под стать хозяину вездеходом как-то осмысленней, полноценней жить, потому что за многие годы свыкся с техникой.

Милое дело открыть ворота да покопаться в машине, в которой всегда найдётся что починить. Неторопливыми движениями ключей

снял карбюратор, положил его на газету, разостланную на верстачке: надо будет разобрать по винтику, промыть, продуть и снова собрать. Для другого это сложно, а для него самые успокоительные минуты.

Вышел на солнышко в огород, где Валентина подкармливала перцы в теплице.

– Валя, иди отдохни, – позвал он.

Села рядом. Скинула на плечи платок, чтобы причесать поседевшие, но густые волосы. Немного располнев, она ещё сохранила признаки былой красоты, только светло-карие глаза повыцвели, стали какого-то неопределённого цвета.

– Хорошо, когда грядки-то устроены, всё посажено, – сказала она. – Лук понемногу уже можно брать на еду.

– Худо ли, тепла дождались, – согласился Павел Васильевич. – Вон скворцы что выделывают!

Скворцы на яблоне пощёлкивали, тонко посвистывали, восторженно трепыхали крылышками: не зря Павел Васильевич поднял на шестах два скворечника. По всем огородам яблони в полном цвету, всё благоухает. Слышно, как гудят старательные пчёлы. Тут словами не скажешь, просто такая благодатная пора, когда радуются и люди, и птицы, и всякая живая тварь.

– Надо баню протопить, наши приедут. Воды-то наносил?

– Успею, теперешний день долог. И нам самое время помыться, поскольку закончили свою посевную, – сказал Павел Васильевич. – Знаешь, чем хорошо на пенсии?

– Чем?

– Не надо никуда торопиться, перед кем-то отчитываться.

– Правильно, пусть молодые торопятся, – улыбнулась ответно Валентина. – Я сама себя насмешила сегодня утром, – вспомнила она. – Ты чучело-то поставил у забора, а мне спросонья-то показалось, вроде мужик какой-то стоит, говорю: «Здравствуйте!» И смех и грех.

– Вишь, как здорово получилось! Я на него даже кепку надел.

Оба повеселели и посмеялись над таким курьёзом.

В кармане у Валентины зазвонил телефон – обрадованно ответила:

– Наташенька, здравствуй! Где вы? У Тимошина?... Понятно... понятно. Ждём.

– Едут около Тимошина, значит, минут через пятнадцать будут, – доложила Валентина. – Пойду приготовлю чего-нибудь.

Подхватилась, как молодая. Её понять можно: дочка с семьей едет. Павел Васильевич тоже приветствует их приезды, хотя Наташа и не родная ему. Наведаются, погомонят, внесут какое-то оживление в размеренную жизнь стариков. Молодым нравится побыть на природе, возле речки.

Вышел к воротам, стал поджидать, посматривая в конец улицы, где виднелась запустевшая церковь Николы. И как не запустеть, если одно время додумались устроить в ней склад удобрений. В других местах восстанавливают храмы, в Никольском не нашлось богатого земляка, да не всякий и раскошелится, а красиво было бы, если бы село привести в прежний вид.

Из-за церкви серебристо сверкнула глазастая иномарка, приближаясь, будто без всякого мотора, по улице, и так же бесшумно въехала в открытые загодя ворота.

– Привет, Павел Васильевич! – поздоровался первым Наташин муж Антон – всегда стриженный под бобр, невысокий, упитанный, с брюшком.

Любит он некоторый форс: белая рубашка, наутюженные чёрные брюки, остроносые ботинки.

Подошла улыбающаяся Наташа:

– Здравствуй, Павел Васильевич!

– С приездом! Давай сумку-то.

Наташа нравилась Павлу Васильевичу, она как бы повторила мать: такой была Валентина, когда он пришёл к ней.

Её дочь Света, привыкшая с детства называть Павла Васильевича дедушкой, даже поприжалась к нему, а уж маленькая Даша и вовсе подлетела обрадованно:

– Дедуска! Дедуска! Смотри, какую куклу мне папа купил!

Вот с ней проще всего, поскольку ангельская душа.

Шумно стало во дворе. Валентина обнималась-целовалась со всеми, женщины сбивчиво тараторили. Добавляя настроения, из магнитолы звучала музыка.

— Всё копаешься в своей колыхаге, — усмехнулся Антон, заглянув в открытый гараж. — Не надоело?

— Чего надоедать-то? Всё-таки занятие. Ну, показывай свою покупку.

— Японская. «Ниссан». Сядь, прокатись на современной машине — поймёшь разницу.

— Я за свою жизнь накатался, — сказал Павел Васильевич.

Но сел за руль, осторожно потрогал клавиши на приборной панели: что говорить, красиво, удобно всё устроено, сверкает никелем. Давно ли и подумать нельзя было, что люди будут иметь такие красивые машины, а нынче все обзавелись ими, даже девки сидят за рулём.

Антон работает в какой-то сбытовой компании, начальник небольшой руки, а деньги получает значительные. Обидно, что родной сын Витя вкальвует на заводе за пятнадцать тысяч: простоват он для нынешней расчётливой жизни. Такова теперь обстановка, во многом не понятная Павлу Васильевичу. По телевизору посмотришь: сотни миллионов, а то и миллиарды присваивают разные чиновники, и ведь не боятся никакого наказания. Вот и выходит: главное, чего нет, — справедливости.

— От города досюда — около часа езды, — похвалился Антон.

— И скорости переключать не надо?

— Автоматическая коробка.

— Надо же, до чего додумались! У тебя и прежняя «десятка» была хороша.

— Ну, это никакого сравнения! Смотри!

Антон нажал на одну кнопку — опустилось дверное стекло, нажал на другую — поднялась крышка багажника.

— Что говорить, совсем другая техника, — согласился Павел Васильевич, — только не про нашу честь. Поздравляю, Антон. Пошли в дом, спрыснем дорожку по покупке.

Гости всегда привозят городские закуски, дорогое вино, о котором раньше Павел Васильевич понятия не имел. И женщины выпивают его охотно, за столом становится раз-

говорчиво. И хотя у Павла Васильевича со всеми добрые отношения, он признаётся себе, что находится в этой благополучной семье не по праву родства. Теперь уж поздно рассуждать об этом, коли так сложилась судьба, и то ценить надо, что они живут в ладу с Валентиной.

После обеда молодые пошли прогуляться к реке, а Павел Васильевич наносил воды и затопил баню: на старости лет любимое дело. Сидишь на приступке, вяжешь веничек, слушаешь, как потрескивают дрова в печке, и вдыхая горьковатый запах дыма. Или просто потягиваешь сигаретку, с удовлетворением оглядывая ухоженный сад-огород. В такие минуты успокаивается сердце, нет ни на кого обиды, как-то сосредотачиваешься сам в себе, вызывая в памяти отдельными эпизодами прожитое, и только то вызывает сожаление, что дорога жизни оказалась короткой: как-то скоро подкралась старость.

Но обо всём забудешь, когда шагнёшь через порог в накопившийся банный жар, настоящий на берёзовом запахе. Пораспаришь тело, поразомнёшь косточки веником — будто ношу с себя сбросишь.

Вечером сидели с Антоном на заветной лавочке, смотрели на поблескивающую внизу Ухтому, на заречное поле, мягко освещённое уставшим за день солнцем. Такие минуты даны человеку для размышлений.

— Хорошо на природе! — сказал Антон, потягивая пиво из дорожного стаканчика. — Сейчас парень на наших глазах вытащил щучку: надо утром сходить со спиннингом.

— Теперь самая хвать.

Павел Васильевич сам любил порыбачить, но с годами поохладел к этому занятию.

— Приехал бы как-нибудь к нам... посмотрел, как живём... Ты давно у нас не был, — благодушествовал Антон.

— Бог даст, соберусь.

— Можешь вместе с нами поехать: машина не тесная.

— Забыл спросить-то, во что обошлась по-купка?

— Около миллиона.

Павел Васильевич с удивлением и недоуме-

нием глянул на собеседника. Для него эта цифра казалась астрономической.

– Бог ты мой! Надо же такую сумму отвалить! Поди, кредит взяли?

– Нет, за наличные, – не без гордости ответил Антон. – Не хочу идти в кабалу, просто подкопил деньжат.

– Да-а, широко живёте! – покачал головой Павел Васильевич.

– Нормально. Ведь есть джипы ценой и в три миллиона, кто-то их покупает.

– Этого мне не понять. Ты тоже при новой власти неплохо устроился. А что делать простым людям? Возьми у нас в Никольском: совхоз развалили, работу не найдёшь.

– Теперь каждый должен за себя кумекать, – откровенно признался Антон. – Надо уметь работать.

– То-то и плохо. Вот мы в своей-то семье не имеем общего понятия, а толкуют про единую Россию, про день единства...

– Это всё политика, а у нас своя работа.

Из калитки выбежала Даша, непривычно перебирая ножонками по траве. Позвала Антона:

– Папа, мама велела воды плинести.

Антон ушёл по воду, а Даша минутку покрутилась возле лавочки.

– В садик-то ходишь? – спрашивал Павел Васильевич.

– Угу.

– Не обижают там?

– Не-а.

– Вот станешь в школу ходить, приедешь к нам на каникулы, будешь помогать бабушке огородничать. Верно?

– Угу.

Даша не шибко вникает в его вопросы, со всем соглашается, не желая ничем обременять себя. И правильно делает – на то и детство. Вот легла животом на лавку, поболтала ногами и упорхнула обратно в калитку, поскольку не сидится ей на месте.

Видно было, как Антон похаживает вокруг машины с тряпочкой: понятно, такую дорогую покупку хочется гладить, сдуть с неё пылинки. Другое время настало, совсем другая жизнь.

Вроде бы не на что сетовать Павлу Васильевичу, а всё-таки, считай, без семьи остался на

старости лет. С Валентиной они не расписывались, хоть и прожили вместе много лет, у них и фамилии разные. Наташа, её дочь, и внучки – это тоже не родная ему кровь, а тем более Антон. Теперь уж поздно что-либо перекраивать. Сопоставляя свою семейную жизнь с примером отца и матери, Павел Васильевич чувствовал угрызения совести: не было у него такой пылкой любви.

Часто вспоминается сестра Настя. Окончив семь классов, она уехала в техникум, оттуда по распределению – в Пермь, в городе и осталась. Пока мать была жива, приезжала домой каждый отпуск, потом связь с ней стала ослабевать, если и побывает, то останавливается в Ивняхках у Анны, в родном доме. В Никольском ей делать нечего, тем более что она держит сторону снохи, а не брата. Последние лет пять совсем не появлялась: возраст, ездить далеко и дорого. Доведётся ли ещё встретиться?

С одной стороны, хорошо, что до родных Ивняков рукой подать, с другой – такая близость постоянно берedit сердце. Односельчанам кажется, что он, Павел Доронин, сидит на своей лавочке да любитесь речкой, откуда им знать, сколь трогательно ему тянуться взглядом к макушке старой липы, видимой за полем, за перелесочком?

Там, за рекой, прошли его молодые годы, там осталась покинутая семья.

5

Троица – самый перволетний, особо светлый праздник, когда только отцвела по реке черёмуха, когда всё посажено и посеяно и есть возможность спокойно отдохнуть, обнадёживаясь тем, что впереди ещё много-много тёплых дней.

Конечно, празднуют и в Никольском, но для Павла Васильевича Доронина Троица связана прежде всего с Ивняхками, потому что для ивняковцев это главный престольный праздник.

Дождавшись, когда солнце обогреет землю, он бреется на улице, где приспособлен ручной мойник. Потом нарочито неторопливо чаёвничает с Валентиной, чтобы не обидеть её своей поспешностью. Она знает о его намерении

наведаться в свою деревню и не препятствует этому, напротив, гладит ему белую рубашку.

Павел Васильевич достаёт из шкафа выходной, хотя и не первой свежести костюм, примеривает его, чувствуя себя непривычно в праздничной одежде.

— Хоть проветрить его, а то висит чуть не целый год в шкафу, — говорит он.

— Смотри, не напивайся там, — наказывает Валентина.

— Ну, скажешь тоже! Чай не молоденький.

— Сегодня ты как жених вырядился. Сходи, сходи, прогуляйся.

— Я ненадолго. С Витей повидаюсь, он должен быть в Троицу-то.

— Ты не думай, я ведь всё понимаю: надо тебе побывать в Ивнях в этот день.

Вместо ответа Павел Васильевич благодарно провёл ладонью по Валентиновой щеке.

— Ну, я пошёл.

— Иди с богом...

Недалгий, но долгожданный путь в Ивняки Павел Васильевич совершает пешком, хотя мог бы завести свой уазик. Спустился к Ухтоме, приостановился на мосту, глядя на спокойное течение и как бы сосредотачиваясь. На днях он съездил в райцентр. Снял с книжки пятьдесят тысяч рублей, решив подарить их сыну на покупку машины. Валентине о своём намерении говорить не стал, чтобы не возникло лишних объяснений.

Он пощупал конверт в кармане пиджака (никогда не имел при себе столько денег) и неспешно зашагал через поле, неся в себе праздник и чувство какого-то особого значения этого дня.

Вот и тенистый перелесок, населённый разноголосыми птицами, вот и другое поле, ивняковское, и сама деревня как на ладони, и родной дом под липой. Чьё сердце не тронет эта отрадная картина?

Велика ли деревня, а возле каждого дома — машина, да и не одна, и нынешняя музыка бьёт, как в кадку, и ребяташки азартной стайкой гомонят, проносясь из конца в конец на велосипедах. Уже тянет от огородов дымком и запахом шашлыков, доносится громкий говор и хохот подвыпивших парней...

Позадержался около родовой липы, похлопал по шероховатому стволу ладонью, как бы здороваясь с ней, и шагнул через порог крыльца. Перед ним явилась совсем неожиданная сцена: за столом сидели друг против друга хозяйка и Лёша Крохичев, тот самый, который в молодости играл на гармошке. Весёлый был мужик, конечно; поистратился, обзавёлся изрядной лысиной, но бодрости не потерял, в его зорких глазах всегда сохранялась какая-то пытливая усмешечка. Таким людям живётся легко.

— О-о, Павел Васильевич пожаловал! Давненько мы с тобой не виделись. — Поднялся навстречу, даже приобнял за плечо и добавил, как бы извиняясь: — Вот, сидим, отмечаем это самое... Взял бутылочку, пойду, думаю, к Анне, чем поодиночке праздновать.

— Здравствуй, Павел Васильевич! С праздником! — спокойно поздоровалась Анна и подвинула стул. — Садись к столу.

Павел Васильевич, подавив в себе возмущение тем, что Крохичев расположился в его избе как у себя дома, сел на привычное место. Первым желанием было выставить друга детства за дверь, но и сам-то давно не был здесь хозяином. Заметил только с ухмылкой, вроде бы не всерьёз, когда Крохичев наливал водку в стопки:

— Я смотрю, ты шибко тут командуешь.

— Не обижайся, Паш. Мы люди пожилые. Чего нам делить? Я рад повидаться с тобой. Сегодня наш праздник, давайте-ка поднимем!

— С праздником, Анна! — Павел Васильевич повернулся к жене, давая понять, что Крохичев — третий лишний за этим столом.

— С праздником! — повторила она и постаралась приветливо улыбнуться.

Принарядилась в любимую салатного цвета кофточку, но куда скроешь морщинки, сбегавшие от шеи на грудь, и накопившуюся в глазах усталость? Павел Васильевич отметил это с чувством своей вины.

— Витя-то приедет?

— Обещался. Вот посматриваю в окно.

Выпили по второй. Анна принесла с кухни ещё пирожков, один запах которых и то добавлял праздничности и домашнего уюта.

– Эти – с рыбой, а эти – с яйцом, – потчевала она.

– Что у вас нового? – спросил Доронин.

– Чего у нас может быть? Всё новое теперь у этих, которые строят дачи на бешеные деньги, – отозвался Крохичев. – Летом-то полбеда, а зимой много ли нас тут остаётся? Верно говорят: без жены как без шапки. Другой раз сижу ночью да смотрю в тёмное окно. Тебе-то что, ты в Никольском всё время на людях, опять же – магазин рядом.

– А я лягу в постель и смотрю телевизор, пока само не заснётся, – поделилась Анна, нарочито не сетуя на своё житьё.

Павел Васильевич задержал взгляд на новой кровати с полированными спинками, празднично покрытой бордовым покрывалом. А в общем, дух родной избы сохранился, лишь часы современные чуть слышно отмеряют секунды да телевизор в углу другой: Витя старается для матери. На стене – фотографии отца и матери: молодыми они знали и любили друг друга, молодые и здесь. Павел Васильевич не стал забирать эти снимки с собой, считая, что им здесь самое место.

– Сейчас бы гармошку – так и сыграть бы можно, и спеть, – разохотился Крохичев.

– Зря ты её продал, – сказал Павел Васильевич.

– Да не продал! Так отдал Климову парнишке из Глебова. Зачем, думаю, она мне на старости лет?

– Весело всё же было... Приходится только вспоминать.

– Конечно! Вся деревня в Троицу-то сходилась в круг, не то что нынче – сидят по своим углам. А уж про нас чего говорить, к нынешней жизни совсем не подходим. Я говорю Анне: давай жить под одной крышей, чем две избы отапливать. Не соглашается, – разоткровенничался позахмелевший Крохичев. – Шучу, конечно, – хохотнул он.

«Правильно и делает. Вишь, подкатывает шары, лысый чёрт!» – одобрил про себя Аннин отказ Павел Васильевич и недовольно покосился на приятеля:

– Ты бы хоть при мне-то не заводил эти разговоры.

– Не обессудь. Чего особенного сказал? Я

так, попросту... Мы ведь с тобой, Паша, друзья старинные...

Анна не перебивала их, как будто разговор не касался её. Привстала, потянулась к окну:

– Вон Витя с Любой идут!

Павел Васильевич не усидел, вышел на крыльцо встретить их. И Крохичев засобирился домой:

– Пойду, не буду вам мешать. Слушай, Паш, зашёл бы ко мне... Потолкуем, вспомняем молодость. Пирогов у меня, конечно, нет, а что-нибудь найдётся.

– Видишь, сын приехал...

– Понимаю. Ну, бывай здоров!

С Витей, считай, с прошлого лета не виделись, а не кинулся сын обнять батьку, только руку подал.

– Привет, батя!

Мужик в самой поре, русоволосый, голубоглазый – доронинская природа. И жена Люба под стать ему, рука у нее мягкая, и взгляд мягкий, улыбка всё время блуждает на добродушном круглом лице.

Анна тоже появилась в дверях.

– Милые мои приехали! С праздником! А Диму где забыли?

– У него свой интерес, куда-то дружки пригласили, – сказала Люба.

– Жаль. Жениться бы ему пора: хуже, если загуляется-то.

Внук вырос без какого-либо участия Павла Васильевича, но тоже родная ведь ему кровь.

«Вот так бы можно было и жить в своём доме, в кругу родных людей, где все – Доронины, даже невестка», – с покаянием думал он, сидя за столом. Была какая-то минутная иллюзия семейной близости, но разве склеишь разбитую посуду?

После застолья прогуливались с Витей в огороде, смотрели, что посажено, что взошло.

– Хорошо, что повидались мы с тобой. Тебе надо какую-то машину купить, хотя бы с рук, – сказал Павел Васильевич сыну. – Смотри, нынче все своим ходом приезжают, а вы – на автобусе.

– Пока не получается. Только накоплю немного деньжат – смотришь, опять какие-то неотложные траты.

— Понятно, городская жизнь дорогая. Я вот принёс тебе пятьдесят тысяч. — Павел Васильевич достал конверт из бокового кармана.

Сын стал отнекиваться, даже попятился:

— Что ты, пап?! Тебе самому деньги не лишние.

— Мои расходы теперь невелики. Не отказывайся — обижусь. Я тебе мало помогал, а надо было, так что держи. — Настойчиво сунул конверт в руку сыну.

— Неудобно получается: я всё же при заработке, а ты — пенсионер, — чувствуя неловкость, сомневался Витя и попытался вернуть деньги.

Павел Васильевич запротестовал:

— Возьми, возьми... Тебе они нужней, не последнее отдаю.

— Слишком дорогой подарок.

— Мы с тобой не чужие люди. Обидно, понимаешь, у всех — машины. Помнишь, как ты в детстве частенько со мной ездил? Немного больше десяти лет было, когда за руль пробовал сесть. Так что давай присмотри хотя бы «Жигули».

— Спасибо, пап...

И ещё прошлись от крыльца до задней калитки, желая побыть вдвоём.

— Порядок у вас в огороде, — одобрительно произнёс Павел Васильевич. — Смотрю, сетку-рабицу натянул вместо забора, навес ко двору пристроил... Молодец, что помогаешь матери. Мы люди уже не передовые, тебе здесь хозяйствовать. Дом-то дедушка твой строил, и липу он посадил. Мне из Никольского видно её.

— Пойдём, пап, выпьем на посошок, — примирительно предложил Витя.

Снова поднялись в избу. Попрощался Павел Васильевич с Анной. Поклонившись ей и не говоря никаких утешительных слов, отправился восвояси уже не с праздником в душе, а с каким-то потревоженным чувством. Главное, удалось повидаться с Витей. «И Анна относится ко мне терпеливо, другая бы и разговаривать не стала, — думал Павел Васильевич. — Только принесла нелёгкая этого Лёшу Крохичева. Эх куда поворачивает: давай жить под одной крышей! Шутки-то шутками, а чего доброго добьётся своего! Неужели Анна допустит!»

Шастал под горку полем, а шагалось тяжело-вато. Вспомнилась припевка: «Трудно под гору спуститься, трудно мостик перейти...» Сейчас вернётся к Валентине, скупко сообщит ей, как побывал в Ивняках. Только не поделишься с ней сокровенным, все раздумья-сомнения останутся при нём неизреченными.

И опять стоял на мосту, не поспешая домой. Текла в тихих берегах река, текли сбивчивые мысли, в которых листалось прожитое с его многими ошибками, поправить которые было нельзя.

Почему-то всегда так: ждёшь, ждёшь праздника, а он промелькнёт, не принеся желанного удовлетворения, и чувствуешь себя как-то расстроенно, может быть, от того, что надо возвращаться к обыденной жизни. Все вопросы в человеке — между желанием и долгом. Понятно, что преобладают желания, а те соседствуют с соблазнами, за которые рано или поздно приходится ответить перед совестью. Её суд лишь кажется снисходительным, поскольку остаётся незаметным.

6

Время скоротечно. Давно ли природа радовалась свежей зелены, по Ухтоме благоухала черёмуха, заливались соловьи, давно ли лето согривало землю, так что и ночи были теплы? А вот уж оно на исходе, но ещё не истратило всех своих щедрот: припела другая благодать — грибная. Это — когда с вечера по низинкам ложится туман, а по утрам выпадают прохладные росы, когда солнце не томит полуденным зноем, когда по лесам и перелескам проглянут желтые мазки догорающих листьев, а вода в реке как-то пронзительно высветлится.

На сельской улице, в магазине, на почте люди делятся грибными новостями:

— Говорят, грибы носят.

— Я сам с полкорзинки белых набрал да красноголовиков в спорновских полях: такие крепкие, небольшие — самый рост.

— А Тоха Забелин вчера тридцать груздей принёс.

— На-ка! Видать, пошли!

Многими овладевает добычливое беспокойство. У каждого свои заветные места, которые хочется непременно навестить, которые сулят удачу. И уж не спится по утрам, рано гудят моторы машин и мотоциклов, развозящих грибников по лесам.

Павел Васильевич не из тех азартных, кто спешит опередить всех. За чаем, глядя на солнечную по-летнему улицу, высказал своё желание:

– Поедем-ка, Валя, на ивняковские горки: говорят, грузди начали расти.

– У меня свои планы: надо лук обрезать да кой-что постирать. А ты поезжай, прогуляйся по лесу. Шапошниковы, наверно, часов в семь завели машину, потом ещё кто-то проехал, пожалуй, тоже туда.

– Мои грибы никто не оберёт. Сделаю разведку. А приедут на выходные ребята – их свожу.

Выкатил из гаража свой уазик. Непрогретый двигатель порядочно дымил. Павел Васильевич уже года три как перестал проходить ТО и платить страховку, поэтому дальше райцентра никуда не ездил, и там появлялся с опаской, останавливался где-нибудь в переулке, чтобы не попадаться на глаза гаишникам.

А вот поехать по грибы – другой машины и не надо. Дорога идёт высоким берегом реки, проблескивающей кой-где внизу сквозь заросли ольховника. За ней – никольское поле, потом – перелесок и другое поле, ивняковское. Красиво, широко всё видно, будто из аэроплана какого-то. Даже жаль, что машина ныряет в лес, начинает забираться влево, чтобы сойтись с другой дорожкой, по которой ходят в бор ивняковцы, считающие его своим. Место это особенное: на горках по обеим сторонам лесного оврага – редкие сосны и берёзы, а в их подножии – ёлочки и лышнячок, то есть карликовая липа, тут-то и растут, как в заповеднике, грузди. Павел Васильевич поставил машину в сторонку от дороги и начал шарить палочкой по листьям, неспешно продвигаясь знакомыми с детства местами. Снежным комочком проглянет из пожухлой травки груздь – особый дар природы; приглядишься, а рядом – второй, третий, самые маленькие прячутся под листьями. Отрадное за-

нятие – этот поиск, так что забудешь обо всём на свете.

Кой-где аукались грибники. Павлу Васильевичу не с кем было переключаться, он не боялся заблудиться, потому что вместе с ним бродило по макушкам деревьев солнце, а по нему просто было ориентироваться. Действительно тихая охота. В такие минуты наедине с природой светлей становится на душе: то увлечёшься грибами, то вспомнишь чего-нибудь из своей долгой жизни, не желая подпускать к себе неприятные мысли.

Вспомнилось, как мать взяла его первый раз в бор, как азартно шнырял он по лышнячку, а потом так устал, что едва доплёлся до дому. Далеко в памяти остался тот русоволосый мальчишка, вот уж жизнь, считай, протекла, а бор, кажется, остался прежним, всё так же радует людей, дарит им чудо-грибы, чернику и бруснику.

Стал выходить к дороге, глядь – шагают с корзинами через плечо Анна и Лёша Крохичев. Разговаривают вполголоса – не разберёшь о чём. Павел Васильевич ошеломлённо застыл на месте. «Ах ты, мать за ногу! Неужели сговорились? – возмущенно подумал он. – Но ведь было бы слышно, такие новости не утаишь, – поуспокоил себя. – Может быть, случайно встретились в лесу и пошли вместе домой? Однако, похоже, продолжает торить тропку к Анне друг-приятель».

Вернулся Павел Васильевич к машине и некоторое время сидел возле неё на обочине, не желая обгонять Анну с Крохичевым: пусть свернут на свою дорожку. Казалось бы, что теперь переживать, если двадцать лет назад ушёл из дома, а вот возникло ревнивое беспокойство, как будто Крохичев унизил его, совершив недопустимое.

Сразу пропал грибной интерес. Павел Васильевич как-то машинально перебирал прохладные ядрёные грузди, счищая с них ножиком листву. Чувствовал он себя расстроено. «Надо же ему присватываться к Анне! Тоже мне уха-жёр нашёлся! Ещё похохатывает чего-то: вечно ему весело, – раздражался Павел Васильевич. – Тут всё зависит от Анны. Но какой я ей теперь советчик? Э-эх, не живи как хочется!»

Машина медленно покати­лась к реке. Оставив в бору хорошее утреннее настроение, Павел Васильевич, как будто нехотя, возвращался домой. Когда выехал из леса, приостановился. Река бежала рядом, огибая Ивняки; за ра­китником блеснул Круглый омут, скрывающий навсегда отцовскую винтовку. Никак не выбросить из головы семейную тайну, хотя в деревне всё же приоткрыли её. Когда мать за­беременела в начале войны, бабы стали суда­чить да прикидывать, от кого бы это? Пришлось поверить Емельянихе, которая божи­лась, что нечаянно видела Василия в те роковые дни: «Не помню уж чего, проснулась я рано, глянула в окошко... В сумерках-то плохо видно, а всё же разобрала: идут Надёнка с Василием, тихонечко переговариваются не пойми о чём. Я уж думала, почудилось мне. Да какая ошибка?! Он — в солдатском, скатанная шинель на плече, видать, прибежал домой какими-то судьбами».

Не раз спрашивал себя Павел Васильевич: как бы он поступил на месте отца? Решился бы сбежать из воинского эшелона? Пожалуй, нет. Не испытал он той горячей любви, которая была между отцом и матерью, а потому и судить их не мог. Они знали, что их короткое счастье закончится бедой, что ни свои деревенские, ни начальство не проявят к ним

какого-то милосердия, но чувства оказались сильней осторожности, и в этом смысле можно было позавидовать им.

Проводив удручённым взглядом двух пешеходов, удаляющихся по ивняковскому полю на том берегу, Павел Васильевич повернул ключ зажигания и пустил машину под уклон на малой скорости.

В этот момент ему хотелось быть на месте Лёши Крохичева.

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Более двадцати лет возглавлял Ярославскую писательскую организацию.

Автор многих книг прозы и журнальных публикаций.

Широкую известность получил роман «Кологривский волк», опубликованный в журнале «Москва», в «Роман-газете».

Этот роман отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Особое место среди произведений занимает роман «Малая Пасьяма».

Дважды выходили его «Избранные произведения», а также — собрание сочинений в трёх томах.

Член Высшего творческого Совета Союза писателей России.

Живёт в Ярославле.

